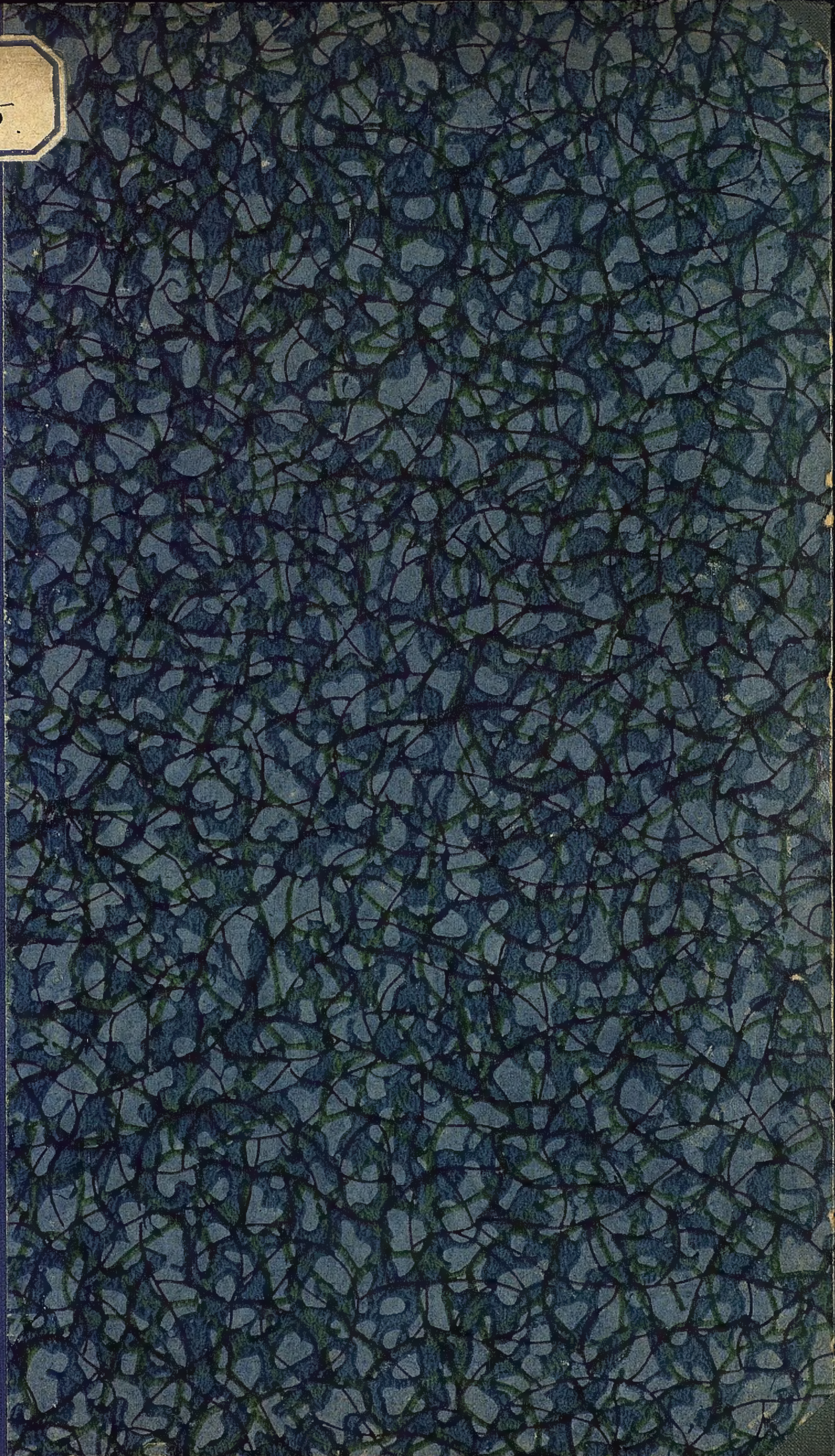
2/14 6/125.

Au Prince Odoyevski-Masloff
Hommage de l'auteur
Baron de Baye

R 14 6/125

Baron de Baye.

Notre délivrance ou notre servitude. Leur puissance mondiale ou leur décadence.

Tiré à part des
ARCHIVES RUSSES
LIV-ème année.

Баронъ де Бай.

Освобожденіе или рабство. Ихъ міровое владычество или упадокъ.

Отдѣльный оттискъ изъ
РУССКАГО АРХИВА,
издаваемаго
Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).
LIV-ый годъ.

6671

МОСКВА
Синодальная Типографія.
1916.

Baron de Baye.

Notre délivrance ou notre servitude. Leur puissance mondiale ou leur décadence.

Tiré à part des
ARCHIVES RUSSES
LIV-ème année.

Баронъ де Бай.

Освобожденіе или рабство. Ихъ міровое владычество или упадокъ.

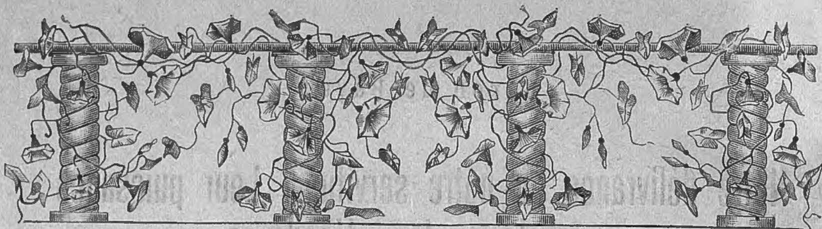
Отдѣльный оттискъ изъ
РУССКАГО АРХИВА,
издаваемаго
Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).
LIV-ый годъ.

6671

МОСКВА
Синодальная Типографія.
1916.

Notre délivrance ou notre servitude. Leur puissance mondiale ou leur décadence.

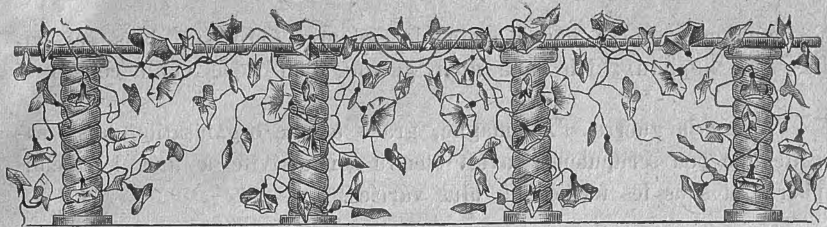
Délivrance ou servitude?—Tel est le dilemme posé. Les alliés pour obtenir la délivrance—Les allemands luttent pour imposer la servitude. Il ne s'agit pas seulement de conquérir la délivrance des nations alliées, mais celle du monde civilisé.—Il ne s'agit pas seulement d'affranchir de la servitude ceux qui combattent l'Allemagne, mais aussi les neutres et principalement les petits Etats.

Les deux alliées de la première heure, la France et la Russie, alliées pour le maintien de la paix en Europe, traitreusement assaillies, combattent pour la plus belle cause qui fût jamais au monde. L'histoire de la Russie et de la France est aujourd'hui la même dans cette guerre. Quoique séparées par l'Europe centrale, elles écrivent de leur sang les plus belles pages de leurs glorieuses annales en multipliant les traits d'héroïsme.

Est-ce la crainte d'une responsabilité écrasante qui conduit le Kaïser à duper les témoins et les participants du drame actuel en criant à tous les échos que c'est l'Allemagne qui a été attaquée? Si ce mensonge a trouvé des crédules au début des hostilités, il ne rencontre plus créance hors de l'Allemagne.

Le Kaïser, quand il envoie un carton pour annoncer aux familles les pertes des leurs sur le champ de bataille, éprouve le besoin d'étouffer un remord ou de disculper un crime en'ajoutant à l'avis mortuaire ce mensonge: „je jure que je n'ai pas voulu la guerre".

En lisant ce parjure, les allemands devraient faire ce raisonnement; celui qui s'excuse sans qu'on l'accuse, s'accuse. Cet empereur

Освобожденіе или рабство. Ихъ міровое владычество или упадокъ.

Освобожденіе или рабство? Такова поставленная передъ нами задача. Союзники борятся для того, чтобы достичь освобожденія. Нѣмцы воюютъ для того, чтобы наложить на насъ рабскія цѣпи. Дѣло касается не только того, чтобы достичь освобожденія союзныхъ націй, но и того, чтобы освободить весь цивилизованный міръ. Дѣло касается не только того, чтобы вывести изъ рабскаго состоянія сражающихся съ Германіей, но и о томъ, чтобы освободить нейтральныя страны, и главнымъ образомъ, маленькія государства.

Самые первые союзники, Россія и Франція, союзники, соединившіеся для того, чтобы сохранить Европейскій миръ, были коварно настигнуты врагомъ, и они сражаются за самую лучшую идею, которая когда-либо существовала въ мірѣ. Отнынѣ, въ этой войнѣ, исторія Россіи и Франціи—одна и та же. Хотя и отдѣленныя другъ отъ друга срединной Европой, онѣ собственной кровью вписываютъ лучшія страницы въ лѣтописи побѣдъ и увеличиваютъ списки геройскихъ поступковъ.

Не страхъ ли передъ чудовищной отвѣтственностью заставляетъ Кайзера вводить въ обманъ свидѣтелей, заставляя ихъ принимать активное участіе въ современной драмѣ, крича на всѣхъ перекресткахъ, что на Германію напали? Если въ началѣ войны эта ложь вводила въ заблужденіе легковѣрныхъ, то теперь этому не вѣрятъ нигдѣ, кромѣ Германіи.

Когда Кайзеръ присылаетъ въ семью прискорбное извѣстіе о смерти близкаго человѣка, онъ чувствуетъ потребность заглушить голосъ совѣсти или же оправдаться въ новомъ преступленіи, прибавляя къ извѣстію о смерти такую ложь: „Клянусь, что я не желалъ войны.“

Читая эти клятвопреступныя слова, нѣмцы должны разсуждать такъ: тотъ кто оправдывается, не будучи обвиняемъ, самъ себя об-

d'Allemagne, qui se bat à coup de cadavres, proteste dans ses visites aux hôpitaux: Ich habe nicht gewolt, J'en'ai pas voulu cela. [1])

Avant la guerre, l'Allemagne, grâce à une organisation aussi savante que peu scrupuleuse, avait étendu son activité à tous les hémisphéres et sous les formes les plus variées.

Partout elle imposait les produits de son commerce et de son industrie. Il faut avouer qu'elle avait pleinement réussi à écarter, à dominer, à ruiner les concurrences qui petit à petit capitulaient et abdignaient, impuissantes dans une lutte inégale. Les productions allemandes inondaient le marché français, avec qu'elle habilité! J'ai été frappé entre autre combien nombreux les objets divers célébrant l'alliance franco-russe avaient été fabriqués de l'autre côté du Rhin! Non moins abondantes, les productions allemandes pullulaient en Russie et partout ailleurs. En Russie certains boutiquiers faisaient l'article pour les marchandises.

Ils les vantaient comme étant supérieures. Or celles-ci venaient de l'autre côté de la frontière, autrement dit d'Allemagne. Les comptoirs, les banques les fabriques étaient allemands en grande parties, pour ne pas dire en majorité. Si ces établissements étaient nominativement français ou russes, souvent leur direction était allemande.

La pénétration allemande équivalait à une véritable prise de position. Intense en France, elle l'était également en Russie. Cette pénétration prenait le caractère d'une colonisation. Sa force d'emprise, l'Allemagne la devait à une organisation puissante et à une unité d'action prodigieuse.

L'Europe ne voyait pas, ne sentait pas le danger de cette invasion, de cette absorption allemande. Elle fût secouée au milieu de son sommeil et ses rêves pacifistes. Encore quelques années de paix, et l'Europe eût été à la disposition de l'Allemagne. Comme l'a si bien dit le professeur Ferrero: „Il est évident que le peuple qui a pris l'initiative d'une si fabuleuse aventure était celui qui avait le plus grand intérêt à concerver la paix du monde.“ [2])

Le but que l'Allemagne poursuit avec une audace, une astuce, une persévérance prodigieuse, elle l'eût atteint en temps de paix, par son ha-

[1]) récit de m-r Sidonio Paes, ministre de Portugal à Berlin, rapporte dans le journal le Matin du 15 mars 1916.

[2]) Guglielmo Ferrero—Figaro 22 janvier 1916.

виняетъ. Этотъ Германскій Императоръ, который наноситъ удары трупами, посѣщая лазареты, заявляетъ: Ich habe nicht gewolt; Я этого не хотѣлъ. [1])

До войны Германія, благодаря своей организованности, столь же мудрой, сколь и тщательной, развила свою дѣятельность во всѣхъ отрасляхъ и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Она всюду предлагала продукты своей торговли и произведенія своей промышленности. Нужно сознаться, что ей вполнѣ удалось отстранить, захватить и уничтожить всякую конкуренцію, которая мало по малу сдавалась и уступала свое мѣсто, чувствуя свое безсиліе въ неравной борьбѣ. Произведенія нѣмецкой промышленности наводняли французскій рынокъ, и съ какой ловкостью это дѣлалось! Между прочимъ меня поражало то, какое огромное количество предметовъ, прославляющихъ франко-русскій союзъ, изготовлялось по ту сторону Рейна! Въ такомъ же изобиліи нѣмецкія произведенія распространялись въ Россіи и во всѣхъ другихъ странахъ. Въ Россіи нѣкоторые торговцы называли свои товары—„заграничными".

Они расхваливали ихъ, какъ самые лучшіе. А они шли изъ за границы, иначе говоря—изъ Германіи. Конторы, банки, фабрики были, если не всѣ, то большей частью нѣмецкіе. Если часть ихъ считалась французскими или русскими, то управленіе у нихъ было нѣмецкое.

Нѣмецкое засилье равнялось настоящему захвату. Очень значительное въ Франціи, таково же было оно и въ Россіи. Это засилье принимало характеръ колонизаціи. Силѣ этого захвата Германія обязана могущественной организаціи и невѣроятной согласованности въ дѣйствіяхъ.

Европа не видѣла, не чувствовала опасностей этого германскаго захвата, этого засилья. Она была разбужена среди глубокаго сна, среди мирныхъ сновидѣній. Черезъ нѣсколько лѣтъ Европа очутилась бы въ полномъ распоряженіи Германіи. По мѣткому выраженію профессора Ферреро: „Очевидно, что народъ, задумавшій такое баснословное предъпріятіе, видѣлъ наибольшую выгоду въ томъ, чтобы сохранить всеобщій миръ." [2])

Цѣль, съ такой отвагой, съ такимъ коварствомъ и необычайнымъ упорствомъ преслѣдуемая Германіей, была уже достигнута ею въ мирное время и безъ всякаго кровопролитія. Со временемъ мы узнаемъ, почему она пожелала увѣнчать это засилье, такъ мирно начатое, вмѣ-

---

[1]) По разсказу г-на Сидоніо Паэсъ, Португальскаго Посла въ Берлинѣ, помѣщенному въ Журналѣ Le Matin 15 марта 1916 года.

[2]) Гульельмо Ферреро. Фигаро, 22 января 1916 г.

bile organisation, et cela sans coup férir. Nous saurons plus tard pourquoi elle a désiré consommer cette prise de possession, commencée pacifiquement, par une intervention armée. On peut supposer que l'autocrate empereur d'Allemagne ait voulu appuyer son caducée de Mercure sur son glaive de César; ait voulu à l'instar des triomphateurs ~~lancer~~ son crâne débordant d'ambition; ait voulu auréoler son front chargé de colère comme il convient à l'incarnation vivante du vieux Dieu de la Germanie. Après avoir tout préparé insidieusement, après avoir endormi par ses mensonges les peuples choisis comme proie, il a donné le signal du drame, il l'a voulu, il l'a fait terrible—Il a inondé le monde de sang. Le maître commande et ses sujets fonctionnent comme les rouages d'une machine infernale. Or il a ses sujets partout. Dans son empire, il a, en dehors de son armée, ses intellectuels, ses politiciens, ses philosophes. En Europe, comme dans les autres parties du monde, ses sujets font d'excellents espions; on connait les attentats qu'ils ont multiplié en Amérique.

Le Kaïser, comme chacun le sait aujourd'hui, a ses catholiques et ses socialistes.[1] Tout ce monde à l'unisson et sans exception, obéit au commandement impératif.

Dans une précédente brochure[2], j'ai montré l'épiscopat allemand souple, docile, enrégimenté et avant tout courtisan de son cher empereur. Il lui envoie un télégramme admiratif pour sa personne et son armée, télégramme rempli d'indignation et de protestation „contre la publication:" La guerre allemande et le catholicisme, cependant cette publication a été écrite par des „hommes d'une doctrine sûre et d'une compétence éprouvée s'adressant à l'esprit. Là étaient dépeintes les brutalitées criminelles des allemands contre les églises et les prêtres. Ce panégyrique par les faits souleva chez nos adversaires un grand cri de colère qui se traduisit par protestations, adjurations, menaces d'abord, puis indignations onctueuses, tristesse larmoyante, tendresses pacifistes—comédie pitoyable des incendiaires de Reims et de Louvain et de clergé et de leur épiscopat."[3]

---

[1]) Revue des deux mondes. Octobre 1915. p. 910.

„Les socialistes allemands sont les fidèles serviteurs du gouvernement de Guillaume II; ils ont approuvé la guerre et les horreurs de la guerre allemande; ils ont accepté la discipline du militarisme jadis vilipendé, désormais obéi".—Les socialistes et la France—Echo de Paris du 12 avril 1916.

[2]) Enseignement de la guerre—Moscou, octobre 1915. Extrait des Archives Russes.

[3]) G. vi Grandmaison. l'Allemagne et les alliés devant la conscience chrétienne. Revue hebdomadaire 5 février 1916.

шательствомъ вооруженныхъ силъ. Можно предполагать, что самодержавный германскій императоръ пожелалъ своимъ меркуріевскимъ жезломъ опираться на мечъ Цезаря; по примѣру тріумфаторовъ пожелалъ увѣнчать свою пылающую честолюбіемъ голову; свое разгнѣванное чело захотѣлъ украсить такъ, какъ подобаетъ живому воплощенію стараго Германскаго Бога. Коварно подготовивъ все, убаюкавъ ложью намѣченные въ жертву народы, онъ подалъ знакъ къ началу драмы, онъ ея захотѣлъ, онъ сдѣлалъ ее ужасной. Онъ залилъ міръ кровью. Властелинъ приказываетъ, а его подданные дѣйствуютъ, подобно колесикамъ адской машины. Къ тому же у него вездѣ есть подданные. Въ его имперіи у него, кромѣ арміи, есть интеллигенты, политическіе дѣятели, химики, философы. Въ Европѣ, какъ и въ другихъ частяхъ свѣта, его подданные прекрасно выполняютъ роль шпіоновъ. Въ Америкѣ извѣстны ихъ посягательства, становящіяся все многочисленнѣе.

У Кайзера, какъ всякому теперь извѣстно, есть свои католики и свои соціалисты.[1]) Весь этотъ народъ, единодушно и безъ исключенія, подчиняется повелительному приказу.

Въ предыдущей статьѣ[2]) я показалъ, какимъ гибкимъ стало нѣмецкое духовенство, перестроившись на военный образецъ и сдѣлавшись прежде всего царедворцемъ своего обожаемаго императора. Онъ въ административномъ порядкѣ посылаетъ ему телеграммы, полныя негодованія и возраженій противъ напечатанія статьи: „Германская война и католицизмъ." Тѣмъ не менѣе она была обнародована людьми съ твердыми убѣжденіями, людьми испытанными, которые взывали къ разуму. Въ ней были описаны преступныя звѣрства нѣмцевъ, жестокости по отношенію къ храмамъ и священникамъ. Это славословіе, свидѣтельствующее самими дѣлами, вызвало у нашихъ противниковъ крикъ яростнаго гнѣва, который объяснялся сначала какъ протестъ, какъ заклинанія, угрозы, потомъ какъ умилительное негодованіе, какъ слезливая печаль, миролюбивыя нѣжности, жалкая комедія, разыгранная поджигателями Реймса и Лувена, нѣмецкимъ духовенствомъ и нѣмецкими епископами."[3])

---

[1]) „Германскіе соціалисты вѣрные слуги правительства Вильгельма II; они одобрили войну и ужасы германской войны; они подчинились дисциплинѣ милитаризма, когда-то презираемой ими, а теперь подчинившей ихъ себѣ." Французскіе Соціалисты. Парижское Эхо, 12 апрѣля 1916 года.

[2]) Нравоученія войны. Москва, октябрь 1915 года. Отд. оттискъ изъ Русскаго Архива.

[3]) Г. де Гранмезонъ. Германія и союзники передъ лицомъ христіанской совѣсти. Еженедѣльное Обозрѣніе. 5 февраля 1916 года.

C'est alors que les intellectuels catholiques publièrent un manifeste aussi mensonger que celui des intellectuels non catholiques.

Le 24 novembre 1915 l'épiscopat belge envoya un mémoire aux cardinaux et évêques, d'Allemagne, de Bavière et d'Autriche Hongrie— Nulle publication ne devait en être faite avant la réponse des prélats visés, mais, cette réponse tardant, et les pays allemands et neutres continuant à être inondés d'ouvrages et de pamphlets dans lesquels les calomnies à l'adresse de la Belgique étaient répétés sous la signature de catholiques allemands, un groupe de patriotes belges a pris sur lui de livrer à la publicité le texte admirable de la protestation épiscopale. Les évêques belges faisaient une proposition formelle. Instituer un tribunal d'enquête composé en nombre égal de membres désignés par l'épiscopat austro-allemand et l'épiscopat belge et présidé par un superarbitre désigné par l'épiscopat d'un pays neutre[1])—Le but était de rechercher et de proclamer la vérité. Or l'Allemagne n'a pas de plus grand ennemi que la vérité. Ainsi ces mêmes prélats qui envoient un télégramme admiratif au Kaïser, et indigné contre le clergé français, ne savent plus écrire à l'effet de répondre à la lettre pleine de dignité des prélats belges[2]).

Les évêques allemands refusent d'accepter le tribunal d'honneur proposé par les évêques belges au sujet des atrocités commises en Belgique. Quelle honte! c'est le gouverneur Général von Bissing qui s'est substitué à l'épiscopat allemand, qui s'érige en porte parole et en défenseur des prélats allemands.[3]) Sa réponse est plutôt une attaque dirigée contre le clergé belge et une menace adressée au Cardinal Mercier. Je ne fais pas mon compliment aux catholiques allemands d'avoir recours comme haut protecteur au bourreau des belges et à l'artisan des ruines de leurs sanctuaires. La lettre de von Bissing[4]) est une tentative d'intimidation pour inspirer la terreur; elle ternit singulièrement le caractère sacerdotal de ses protégés.

---

[1]) Henri Davignon. Lettres des évêques belges aux évêques austro-allemands. Echo de Paris. 15 janvier 1916.

[2]) Voir dans les numéros du Figaro de 15 et 16 janvier 1916. Les articles de M. Julien de Narfon. Les évêques de Belgique aux évêques d'Allemagne.

[3]) Comment devant ce recours perpétuel des prélats allemands „à l'Etat et l'appui que celui-ci n'a garde de refuser à ses agents mitrés, la Puissance suprême dont ils relèvent au spirituel ne se trouverait-elle pas amoindrie d'autant dans son prestige et son action"—Billet de janvier Echo de Paris. 2 avril 1916.

[4]) L'Echo de Paris, 14 mars 1916. Une lettre de von Bissing aux évêques belges— cette lettre a été publiée par le journal belge le XX-me siècle.

Тогда-то интеллигенты католики обнародовали манифестъ, такой же лживый, какъ и манифестъ интеллигентовъ не-католиковъ.

24 ноября 1915 года бельгійское епископство послало докладъ кардиналамъ и епископамъ Германіи, Баваріи и Австро-Венгріи. Его не хотѣли публиковать, не получивъ отвѣта отъ затронутыхъ прелатовъ. Но такъ какъ онъ запоздалъ, а въ германскихъ и нейтральныхъ странахъ сыпалось множество оскорбленій и издѣвательствъ, въ которыхъ клевета по адресу Бельгіи была скрѣплена подписью нѣмцевъ-католиковъ, то нѣкоторая часть бельгійскихъ патріотовъ рѣшилась обнародовать великолѣпный текстъ епископскаго воззванія. Бельгійскіе епископы предлагали слѣдующее. Учредить комиссію для обслѣдованія, состоящую изъ равнаго числа членовъ, назначенныхъ австро-германскимъ и бельгійскимъ епископствомъ, подъ предсѣдательствомъ верховнаго третейскаго судьи, назначеннаго епископствомъ какой-нибудь нейтральной страны.[1]) Цѣль заключалась въ томъ, чтобы отъискать и обнародовать истину. А у Германіи нѣтъ бо́льшаго врага, чѣмъ истина. Такъ тѣ же самые архіереи, которые посылаютъ удивительную телеграмму Кайзеру и, негодуя на французское духовенство, дѣйствительно не могутъ ничего написать въ отвѣтъ на письмо бельгійскихъ епископовъ, письмо, написанное съ полнымъ достоинствомъ.[2])

Германскіе епископы отказываются отъ суда чести, предложеннаго бельгійскими епископами для изслѣдованія звѣрствъ, совершенныхъ въ Бельгіи. Какой позоръ! Губернаторъ Генералъ фонъ Биссингъ взялъ на себя роль германскаго епископства, это онъ отъ имени нѣмецкихъ архіереевъ говоритъ въ ихъ защиту.[3]) Его отвѣтъ скорѣе можно назвать выпадомъ, направленнымъ противъ бельгійскаго духовенства и Кардинала Мерсье. Я не поздравляю нѣмецкихъ католиковъ съ тѣмъ, что они, какъ къ вышнему покровителю, обращаются за помощью къ палачу бельгійцевъ и къ виновнику развалинъ ихъ святынь. Письмо фонъ Биссинга[4]) является попыткой устрашенія съ цѣлью вызвать терроръ; оно страннымъ образомъ омрачаетъ священный санъ тѣхъ, за кого онъ вступается.

---

[1]) Анри Давиньонъ. Письмо бельгійскихъ епископовъ къ австро-германскимъ. Парижское Эхо. 15 января 1916 года.

[2]) См. нумера Фигаро 15 и 16 января 1916 года. Статьи Г-на Жюльена де Нарфонъ. Бельгійскіе епископы къ епископамъ Германскимъ.

[3]) „Какимъ образомъ передъ этимъ постояннымъ обращеніемъ нѣмецкихъ архіереевъ къ Государству и къ его помощи, въ которой послѣднее не можетъ отказать своимъ ревностнымъ слугамъ, Вышняя власть, отъ которой они ведутъ духовную преемственность, можетъ не быть униженной какъ въ своей сущности, такъ и въ своемъ вліяніи?“ Billet de janvier. Эхо Парижа 2 апрѣля 1916 года.

[4]) Парижское Эхо, 4 марта 1916 г. Письмо фонъ Биссинга къ бельгійскимъ епископамъ. Оно было напечатано въ бельгійской газетѣ „XX столѣтіе“.

Les crimes dénoncés par les évêques de Belgique, l'Allemagne les revendique comme des témoins de sa force nationale, et elle s'apprête même à les commémorer. Par une église, que dès maintenant elle veut bâtir, elle consacrera le souvenir de cette guerre. Les souscriptions abondent, dit-on. Criminelle et reconnaissante, toute l'Allemagne met son âme dans cette édification peu édifiante. Le vieux Nuremberg, en pays catholique, aura cette église qui sera une injure à ses croyances.

Une église! „Le crime a ses musées, il a ses théâtres, il a ses maisons célèbres, mais on a jamais oui dire qu'il eût son église—Il l'aura, l'Allemagne la lui devait, avec ce cynisme sacrilège nul pays aussi bien n'a osé jamais mêler le ciel à ses infamies.“ [1])

J'aime à croire que Guillaume II sera logique et dédira la nouvelle église au bon vieux Dieu de la Germanie, dont il est le représentant terrestre. J'aime à croire que chaque pierre de ce temple portera le nom d'une église détruite en Belgique, en France, en Russie. Ces ruines ne sont-elles pas des victoires à commémorer? ruines de Louvain, de Reims et tant d'autres, elles sont innombrables. Les noms des prêtres, des religieuses, des civils martyrisés et assassinés ont également leur place dans ce temple, ces victimes marquent les victoires de la „Kultur“— Comme l'a si bien dit M. Edmond Perrier: „En Allemagne, la barbarie est devenu le crime dissipline“. [2])

Nous voyons maintenant plus clairement comment le Kaïser a préparé la guerre, comment il l'a voulue, comment il opère, comment il comprend son but.

Il s'est révélé un grand artisan; il s'est imposé; il s'est multiplié; il a résumé en sa personne l'Allemagne entière. Il a asservi ses alliés qui, de par sa volonté inflexible, ne sont plus des Autrichiens, des Hongrois, des Bulgares, des Turcs, mais des sujets germanisés, prussifiés et humblement obéissants. Cet asservissant monarque a fait un tour de force en unifiant tous ces éléments les plus hétérogènes pour en faire les instruments de sa puissance.

Le vieux monarque de Vienne, les Jeunes Turcs, le traitre de Bulgarie ainsi que leurs sujets ne sont-ils pas comme de simples allemands,

---

[1]) L'église du crime par Alex. Hepp. Figaro du 29 janvier 1916.

[2]) Discours prononcé à l'Académie des Sciences,—Ed. Perrier, „Après la guerre“, Revue hebdomadaire 13 novembre 1915,

Преступленія, о которыхъ заявляютъ бельгійскіе епископы, считаются въ Германіи признакомъ ея національной силы, и она готова даже увѣковѣчить ихъ—въ видѣ храма, который она собирается построить и который она посвятитъ воспоминанію объ этой войнѣ. Говорятъ, подписокъ безчисленное множество. Преступная и благодарная, вся Германія вкладываетъ свою душу въ это малоназидательное твореніе. Въ старомъ Нюренбергѣ, какъ католическомъ городѣ, будетъ стоять этотъ храмъ, какъ воплощенное оскорбленіе его вѣрованій.

Храмъ! „У преступленія есть свои музеи, есть свои театры, есть свои достопримѣчательныя зданія, но никогда не слыхивали, чтобы у него былъ свой храмъ. Такъ онъ будетъ. Германія должна была построить храмъ преступленію, ни одна страна никогда не осмѣливалась съ такимъ святотатственнымъ цинизмомъ смѣшать въ одну кучу и небо и свои гнусности.[1])

Мнѣ хочется вѣрить, что Вильгельмъ II будетъ послѣдователенъ и посвятитъ новый храмъ старому германскому богу, представителемъ котораго на землѣ является онъ самъ. Хочется вѣрить, что на каждомъ камнѣ этого храма будетъ высѣчено названіе одной изъ церквей, разрушенныхъ въ Бельгіи, во Франціи, въ Россіи. Развѣ эти развалины не побѣды, которыя нужно увѣковѣчить? Развалины Лувена, Реймса, и многія другія, имъ нѣтъ числа. Имена священниковъ, монахинь, замученныхъ и убитыхъ мірянъ также умѣстны въ этомъ храмѣ, всѣ эти жертвы олицетворяютъ побѣду нѣмецкой „Kultur“ Г-нъ Эдмонъ Перрье прекрасно выразился: „Въ Германіи варварство сдѣлалось преступленіемъ по приказу.“[2])

Теперь намъ яснѣе видно, какъ именно Кайзеръ подготовилъ войну, какъ онъ ея хотѣлъ, какъ онъ дѣйствуетъ, какъ онъ понимаетъ ея задачи.

Онъ оказался большимъ мастеромъ своего дѣла; онъ внѣдрился, сталъ многоликимъ, воплотилъ въ себѣ всю Германію. Онъ поработилъ своихъ союзниковъ, которые, подчиняясь его непоколебимой волѣ, перестали быть австрійцами, венграми, болгарами, турками, а сдѣлались германскими подданными, опрусаченными и безропотно—покорными. Этотъ порабощающій монархъ превзошелъ самого себя, объединивъ весь этотъ разнородный составъ для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудіе своего могущества.

Престарѣлый вѣнскій монархъ, младотурки, предатель изъ Болгаріи вмѣстѣ со своими подданными,—развѣ это не обыкновенные

---

[1]) Храмъ преступленія, Алекс. Геппъ. Фигаро, 29 января 1916 года.

[2]) Изъ рѣчи, произнесенной въ Академіи Наукъ, Эд. Перрье. „Послѣ войны“. Еженедѣльное Обозрѣніе, 13-го ноября 1915 года.

mobilisés, organisés et soumis à la férule de tyran? Ils craignent, ils admirent celui qui résume tous et tout; apeurés, terrorisés, n'ont-ils pas abdiqué leur nationalité pour oublier leur propre patrie, pour s'oublier eux mêmes, pour ne penser qu'au César moderne et se sacrifier, pour lui? Aussi tout le monde a-t-il ses regards fixés sur cette figure telle que les annales n'en avaient pas encore signalé de semblable.

Par ses conceptions aussi gigantesques qu'orgueilleuses, par les moyens extraordinaires mis en oeuvre pour les réaliser, Guillaume II s'est dressé tel un colosse devant le monde stupéfié. Il s'est révélé comme une des grandes monstruosités de l'histoire. Nous le voyons à l'oeuvre et c'est lui qui incarne cette oeuvre conduite pour atteindre la toute puissance: quo non ascendam!; pour conquérir, pour asservir le monde. Telles sont ses ambitions surhumaines, tels sont les sommets que les plus grands génies n'ont pu atteindre. Néanmoins, celui qui a voulu cette guerre peut être assuré de l'immortalité, car nulle tête couronnée n'aura causé la mort d'autant d'êtres humains—comme l'a dit M. Hanotaux: huit millions de morts pèsent sur une seule conscience! L'immortalité de ce tueur sera figée dans une mer de sang et son trône surmontera des montagnes de cadavres.

Guillaume II est l'inventeur du grand drame qui, dès le début, secoua le monde d'un spasme formidable—Son orgueil satisfait se repaît de ce spectacle terrifiant. Il se croit déja le conquérant de l'Univers. Il brûle, il assassine, il martyrise la Belgique et comme sa victime se débat, il prend plaisir à la torturer—Le système de terreur est inauguré—Victoire!

Passant sur le corps meurtri de la Belgique, il envahit le nord de la France—Victoire! Il poursuit le régime de la barbarie, il y miltiplie les crimes—Victoire! Il ne peut atteindre Paris, alors il redouble de cruauté dans nos provinces envahies, il y reste—Victoire! Ses zeppelines bombardent L'Angleterre, Londres et aussi Paris—Des civils, des femmes, des enfants sont tués—Victoire! à ce propos nous lisons dans la gazette de Cologne ces lignes cyniques:

„Des dirigeables allemands sur Paris, sur Manchester, sur Liverpool, sur Salonique et tout cela dans l'espace de trois fois vingt quatre heures, mesure de l'énorme développement que la guerre mondiale a pris dans l'espace et signe brillant de la force militaire irresistible que

нѣмцы, мобилизованные, организованные и отданные подъ власть тирана? Они боятся и восторгаются тѣмъ, кто воплощаетъ все это; запуганные, терроризованные, развѣ они не отреклись отъ своей національности, не отказались отъ своей родины, не забыли самихъ себя для того, чтобы отдать каждое помышленіе современному Цезарю и принести себя ему въ жертву? Да и весь міръ устремилъ взглядъ на эту личность, такъ какъ до сихъ поръ лѣтопись не отмѣчала ничего подобнаго.

Своими замыслами, равно исполинскими, равно честолюбивыми, и необычайными способами, при помощи которыхъ они приводятся въ исполненіе, Вильгельмъ II, какъ великанъ, стоитъ передъ изумленнымъ міромъ. Онъ явился передъ нами, какъ одно изъ величайшихъ историческихъ чудовищъ. Мы видимъ его за дѣломъ, онъ воплощаетъ въ себѣ это дѣло, направленное на то, чтобы достичь полнаго могущества: quo non ascendam!, чтобы завоевать, чтобы поработить весь міръ. Таковы его сверхъ-человѣческіе честолюбивые замыслы, таковы вершины, которыхъ не могли достигнуть и величайшіе геніи. Тѣмъ не менѣе тотъ, кто пожелалъ этой войны, можетъ быть увѣренъ въ томъ, что заслужилъ безсмертіе, потому что ни одинъ человѣкъ, носившій корону, не былъ причиной стольхихъ смертей. Г-нъ Ганото выразился такъ: восемь милліоновъ смертей всей своей тяжестью лежатъ на одной совѣсти! Безсмертіе этого убійцы будетъ увѣковѣчено въ морѣ крови, а его тронъ будетъ возвышаться надъ горою труповъ.

Вильгельмъ II—изобрѣтатель той драмы, которая, съ самого ея начала, потрясла міръ чудовищными судорогами. Его удовлетворенная гордость можетъ насытиться этимъ ужасающимъ зрѣлищемъ. Онъ уже считаетъ себя побѣдителемъ Вселенной. Онъ поджигаетъ, онъ убиваетъ, онъ мучаетъ Бельгію, а такъ какъ его жертва защищается, то ему доставляетъ удовольствіе ее пытать. Система устрашенія взята за правило.

Побѣда! Перешагнувъ черезъ трупъ Бельгіи, онъ вторгается въ сѣверную Францію. Побѣда! Онъ вводитъ тамъ свой варварскій порядокъ, онъ умножаетъ тамъ свои преступленія. Побѣда! Онъ не можетъ дойти до Парижа; тогда онъ усиливаетъ свои жестокости въ занятыхъ имъ провинціяхъ, онъ остается тамъ. Побѣда! Его цеппелины бомбардируютъ Англію, Лондонъ, а также Парижъ. Убиты мирные жители, женщины, дѣти. Побѣда! По этому поводу мы читаемъ въ „Кельнской газетѣ“ слѣдующія нахальныя строки:

„Нѣмецкіе дирижабли надъ Парижемъ, надъ Манчестеромъ, Ливерпулемъ, надъ Салониками; и это сдѣлано въ теченіи трехъ сутокъ, которыя могутъ служить доказательствомъ громадной побѣды надъ про-

l'Allemagne déploie dans cette lutte pour la vie." Le triomphe allemand a abattu plusieurs centaines d'êtres sans défense.[1])

Le fauteur de cette guerre envahit la Russie occidentale, la Pologne, la Lithuanie les met à feu et à sang, les opprime—Victoire!

Il veut ensuite faire sentir sa puissance en Orient, il le met en ébulition. Il achète Ferdinand de Bulgarie et les Jeunes Turcs—Victoire! Il écrase avec ses suppots la Serbie et le Monténégro—Victoire!

Tant de victoires si bruyamment proclamées ont entretenu en Allemagne une admiration sans borne, sans restriction, un culte spontané pour son héros macabre et cette admiration, malgré les hécatombes, semble persister. On ne cherche pas trop à scruter la qualité de cette gloire et la moralité de son éclat. Néanmoins il est à présumer que le jour viendra enfin où l'on demandra quel est le résultat, quel est le profit de tant de victoires, où l'on réclamera le couronnement de tant de victoires; c'est à dire l'imposition d'une paix triomphale. Toutes les illusions auront une fin et toutes les apparances trompeuses auront un lendemain—Cette fin et ce lendemain sont en préparation. La vérité ne demeurera pas toujours voilée.

En attendant, la gloire, la force de l'Allemagne doivent rayonner et faire trembler les neutres par l'effet de sa puissance terrifiante. Ses sous-marins ont la mission de couler les navires de passagers sans s'inquiéter de leur nationalité. Elle donne la mort à de nombreuses et innocentes victimes en les engloutissant dans les flots. „Mais un peuple qui croit triompher des autres en portant chez eux la terreur, est lui même accessible à la terreur". [2])

Comme la fort justement exposé le journal de Genève: „c'est autant pour en imposer aux neutres que pour éblouir ses sujets que l'Allemagne dresse des tableaux graphiques à l'effet de montrer les résultats dont elle se glorifie—on y trouve reportées les dimensions des territoires occupés par les armées de Guillaume II de façon à montrer qu'ils équivalent comme étendue à la superficie de l'Empire. De ces images ingénieuses doit découler la conviction que l'Allemagne est au dessus de tout." [3])

---

[1]) Journal de Genève du 4 février 1916 citant un journal allemand.

[2]) Figaro 1-e février 1916. Polybe—aviation et psychologie.

[3]) Journal de Genève 27 janvier 1916.

странствомъ, одержанной въ эту міровую войну, и блестящимъ утвержденіемъ той несокрушимой силы, которую развиваетъ Германія въ этой борьбѣ не на животъ, а на смерть.“ Торжество Германіи отняло жизнь у многихъ сотенъ беззащитныхъ существъ.[1])

Творецъ этой войны вторгается въ западную Россію, Польшу, Литву, предаетъ ихъ мечу и огню, угнетаетъ ихъ. Побѣда!

Затѣмъ онъ хочетъ испробовать свое могущество на востокѣ, начинаетъ мутить тамъ. Покупаетъ Фердинанда Болгарскаго и младотурокъ. Побѣда! Съ ихъ помощью онъ разоряетъ Сербію и Черногорію. Побѣда!

Множество столь шумныхъ побѣдъ вызываетъ въ Германіи безграничное восхищеніе, цѣлый самостоятельный культъ смертоноснаго героя: и это восхищеніе, не смотря на гекатомбы, кажется утвердилось прочно. Тамъ не пытаются изслѣдовать качество этой славы, нравственныя основы ея расцвѣта. Но тѣмъ не менѣе можно предполагать, что наступитъ день, когда нѣмцы наконецъ спросятъ, что же достигнуто, какая же выгода отъ стольких побѣдъ, когда-нибудь они потребуютъ же достойнаго вѣнца всѣмъ этимъ побѣдамъ; то-есть, потребуютъ заключенія славнаго мира. Всѣ иллюзіи окончатся и всѣ обманчивые призраки когда-нибудь разсѣятся. Этотъ конецъ, этотъ завтрашній день уже намѣчается. Правда не будетъ скрываться вѣчно.

А пока слава и мощъ Германіи должны сіять и заставить трепетать нейтральныя страны тѣмъ, что достигнуто съ помощью ея ужасающаго могущества. На подводныя лодки возложена обязанность пускать ко дну пароходы, не заботясь о національностяхъ ихъ пассажировъ. Онѣ несутъ смерть множеству невинныхъ существъ, отдавая ихъ въ жертву волнамъ. „Но народъ, который думаетъ, что онъ побѣдилъ другіе народы, неся имъ терроръ, самъ можетъ попасться во власть террору.“[2])

Женевская газета отмѣтила совершенно вѣрно: „Скорѣе для того, чтобы произвести впечатлѣніе на нейтральныя страны, чѣмъ для того, чтобы прельстить своихъ подданныхъ, Германія выставляетъ наглядныя таблицы, въ которыхъ она хвалится тѣмъ, что ею достигнуто: въ нихъ можно найти размѣры занятыхъ германскими войсками областей, наглядно показывающіе, что ихъ поверхность равняется поверхности Имперіи. Изъ этихъ остроумныхъ чертежей можно вывести заключеніе, что Германія превзошла всѣхъ.“[3])

---

[1]) Женевская Газета, 4-го февраля 1916 года. Выдержка изъ одной нѣмецкой газеты.

[2]) Фигаро, 1 февраля 1916 года. Полибій: Авіація и Психологія.

[3]) Женевская газета, 27 января 1916 года.

J'en arrive aux conséquences actuelles de tant de victoires célébrées à grand orchestre avec pavoisement et illuminations. Comme conséquence, les allemands éblouis ont vu et voient dans leur empereur une toute puissance invincible ne dominant pas seulement l'Europe, mais s'étendant jusqu'en Asie et en Affrique. Comme autre conséquence les ambitions du souverain sont devenues celles de chacun de ses sujets. Or les projets du Kaïser sont à l'échelle de son audace et de son fol orgueil. Par un mirage les projets du maitre sont présentés à ses peuples comme en voie de réalisation triomphale.

Par répercussion et par propagande ce que je viens d'exprimer n'est pas sans avoir agi sur les timides neutres. Evidemment c'est pour tenir sous la terreur ces petits Etats neutres que notre ennemi a écrasé, opprimé, ruiné, saturé de tortures les petits Etats qui ont osé le combattre. [1])

Il a montré comment le colosse traitait les petits peuples. Victorieux, il mettrait leur existence en grand danger. La Suisse s'en est rendu compte. M. Paul Seippel a fort justement exprimé ses craintes: „l'Allemagne nouvelle, impérialiste et Bismarkienne menace d'absorber la Suisse et nous devons nous mettre en garde si nous ne voulons pas que cette opération s'accomplisse sans même que nous nous en rendions compte." [2])

L'Allemagne a les yeux constamment fixés sur les neutres. Auprès d'eux elle agit par toutes les réclames, par la pénétration, par l'espionnage, en cherchant à inspirer tantôt la pitié tantôt la terreur.

Les Etats-Unis eux mêmes ont été pris à part au Landtag de Prusse par le conservateur Heudebrand. „Nous n'avons pas a-t-il dit, de pire ennemi que celui qui prolonge la guerre comme c'est le cas de l'Amérique."

L'action de l'Allemagne dans tous les pays neutres est considerable, nulle part la propagande formidable germanique n'a sévi avec plus d'amitié, plus d'habileté, plus de perfidie, ni plus de méthode qu'en Espagne. [3]). Les Allemands s'érigent en protecteurs du catholicisme aux yeux des Espagnols, comme ils s'érigent protecteurs de l'Islame pour les Marocains et les Turcs.

---

[1]) La Belgique, la Serbie, le Monténégro.

[2]) Paul Seippel—un examen de conscience, Journal de Genève 17 janvier 1916.

[3]) Echo de Paris. 6 février 1916. André Mévil—La propagande en Espagne.

Я подойду теперь къ дѣйствительнымъ послѣдствіямъ столь многочисленныхъ громкихъ побѣдъ, отпразднованныхъ подъ звуки оркестра, съ флагами и иллюминацiей. Конечно, ослѣпленные нѣмцы видѣли и продолжаютъ видѣть въ своемъ императорѣ непобѣдимое могущество, царствующее не только въ Европѣ, но простирающееся за предѣлы Азіи и Африки. Затѣмъ мы видимъ, что честолюбіе государя сдѣлалось честолюбіемъ каждаго изъ его подданныхъ. А планы Кайзера лежатъ на вѣсахъ его дерзновенія и его безумной гордости. Какимъ то чудомъ планы государя представляются его народамъ стоящими на пути къ побѣдоносному осуществленію.

Какъ средство отвлеченія и пропаганды то, что я указалъ, не можетъ не оказывать вліянія па робкія нейтральныя страны. Очевидно, нашъ врагъ раздавилъ, разорилъ, уничтожилъ, насытилъ муками маленькія, осмѣлившіяся сражаться съ нимъ государства[1]) только для того, чтобы держать въ страхѣ мелкія нейтральныя страны.

Онъ показалъ, какъ великанъ можетъ обращаться съ маленькими народами. Побѣдивши, онъ подвергалъ большой опасности ихъ существованіе. Швейцарія отлично поняла это. Г. Поль Зейпель совершенно основательно высказалъ свои опасенія: „Новая Германія, Германія имперіализма и Бисмарка грозитъ поглотить Швейцарію, и мы должны быть насторожѣ, чтобы это ни произошло такъ, что мы этого даже не замѣтимъ.“ [2])

Взоры Германіи неизмѣнно устремлены на нейтральныя страны. Для нихъ она дѣйствуетъ при помощи всевозможныхъ приманокъ, засильемъ, шпіонажемъ, стараясь внушить то жалость, то ужасъ.

Даже Соединенные Штаты были затронуты въ Прусскомъ Ландтагѣ, консерваторомъ Гейдебрандомъ. „У насъ нѣтъ худшаго врага, сказалъ онъ, чѣмъ тотъ, кто затягиваетъ войну, какъ это дѣлаетъ Америка“.

Дѣянія Германіи во всѣхъ нейтральныхъ странахъ очень важны. Нигдѣ грозная германская проповѣдь не звучала съ большимъ напряженіемъ, большей ловкостью, коварствомъ и большей планомѣрностью, чѣмъ въ Испаніи. [3]) Нѣмцы выставляютъ себя въ глазахъ испанцевъ защитниками католицизма, подобно тому, какъ, они рисуются поборниками Ислама передъ турками и жителями Марокко.

---

[1]) Бельгію, Сербію, Черногорію.

[2]) Поль Зайпелъ. Испытаніе совѣсти. Женевская газета, 17 января 1916 года.

[3]) Парижское Эхо. 6 февраля 1916 года. Андрэ Мевилъ. Пропаганда въ Испаніи.

Nous voyons maintenant se modifier petit à petit les sentiments des neutres malgré la pression allemande. Ils finissent par reconnaître de quel côté se sont réfugies le droit et la civilisation. Comme l'a éloquemment exprimé M. Hanotaux:

„Les deux principes qui divisent l'humanité, mettent aux prises les champions de l'une et de l'autre cause.

„Est-il un homme qui puisse se désintéresser tout à fait de ce qui intéresse l'avenir de l'humanité?

„Neutre, passe; impartial, non. Il faut obter—Le silence lui-même devient une complicité.

„Il n'est pas un coeur libre dans le monde qui n'ait pris son parti et qui ne se soit pas prononcé“ [1]).

En présence du caractère monstrueusement criminel imprimé à la guerre par nos ennemis barbares; en présence de la timidité craintive des neutres nous devons, nous et nos alliés provoquer le respect du monde par l'héroïsme et par l'union.

L'héroïsme a fait mille fois ses preuves. Nous parlerons donc de l'union.

Comme l'a si bien exprimé dans sa conférence du 18 février M. Alfred Capus: „l'union s'accomplit en France aussitôt la guerre declarée et la voix publique la qualifia de sacrée“. [2]) L'union s'opéra avec une égale spontanéité dans tous les pays alliés. Or en France, en Russie, en Angleterre. en Italie, en Belgique cette union est demeurée intacte et imposante. Elle a déçu les espérances perfides des Allemands appliqués à désunir entre eux les compatriotes et entre elles les nations alliées. Car c'est une union vraiment sacrée qui lie entre eux étroitement non seulement les concitoyens de chaque nation, mais aussi entre elles, non moins étroitement, les peuples en guerre contre les Germains. En effet, à mesure que la guerre se developpe, l'union entre compatriotes s'agrandit et elle englobe chez tous les peuples, les combattants de la même cause.

---

[1]) G. Hanotaux. Le rôle des neutres. Le Figaro du 26 décembre 1915.

[2]) Alfred Capus. L'union sacrée. Revue hebdomadaire du 4 mars 1916.

Теперь мы видимъ, какъ мало по малу измѣняется настроеніе нейтральныхъ странъ, не смотря на германское вліяніе. Онѣ начинаютъ понимать, на чьей сторонѣ таятся право и цивилизація. Г-нъ Ганото очень краснорѣчиво выразилъ эту мысль:

„Оба принципа, раздѣляющіе человѣчество, заставляютъ и ту и другую сторону отстаивать свое.

Развѣ есть такой человѣкъ, который можетъ совершенно охладѣть къ тому, что касается будущности всего человѣчества?

Нейтральный,—согласенъ; безпристрастный,—нѣтъ. Надо высказаться. Самое молчаніе становится уже сообщничествомъ.

Нѣтъ ни одной свободной души въ мірѣ, которая не встала бы на ту или на другую сторону и не высказалась бы.“ [1])

Наблюдая скромную боязливость нейтральныхъ странъ передъ чудовищнымъ и преступнымъ обликомъ, наложеннымъ на войну нашими врагами—варварами, и мы, и наши союзники, должны заслужить всемірное уваженіе при помощи геройства и единенія.

Героизмъ далъ уже тысячи примѣровъ. Итакъ, рѣчь идетъ о единеніи.

Г-нъ Альфредъ Капюсъ прекрасно выразился въ своемъ докладѣ 18 февраля: „Единеніе осуществилось во Франціи, какъ только была объявлена война и общественное мнѣніе нарекло ее священной.“ [2]) Единеніе совершается одинаково добровольно во всѣхъ союзныхъ странахъ. А во Франціи, въ Россіи, Англіи, Италіи и Бельгіи это единеніе осталось нетронутымъ и все такимъ же крѣпкимъ; оно обмануло коварныя надежды усердныхъ нѣмцевъ, расчитывавшихъ поссорить союзниковъ и разъединить соотечественниковъ въ отдѣльныхъ странахъ, потому что это союзъ дѣйствительно священный, тѣсно объединяющій не только соградждань каждаго отдѣльнаго народа, но также не менѣе крѣпко связующій всѣ народы, воюющіе противъ германцевъ. Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ разгорается война, растетъ единеніе между соотечественниками, оно охватываетъ собою всѣ народы, сражающіеся для одной и той же цѣли.

---

[1]) Г. Ганото. Роль нейтральныхъ странъ. Фигаро, 26 декабря 1915 года.

[2]) Альфредъ Капюсъ. Священный союзъ. Еженедѣльное Обозрѣніе 4 марта 1916 года.

Cette union, qui est une grande force dans le combat, doit-être une plus grande force dans la victoire; afin que celle-ci soit complète, l'union sacrée sera d'autant plus nécessaire pour traiter de la paix et en assurer la durée. Sans union, les alliés, au lendemain du triomphe de la bonne cause, retrouveraient devant eux le plus dangereux des adversaires dans le vaincu préparé pour tendre des embûches et prendre une revanche. Désarmé le vaincu n'abdiquerait pas et il provoquerait la désagréation des forces morales de ses adversaires par une organisation souterraine et délétère. Il amènerait la désorganisation de l'entente des peuples qui, après avoir sauvé l'Europe doivent la préserver d'un retour offensif au moyen d'une guerre économique non moins acharnée que celle d'aujourd'hui. Les allemands n'ont-ils pas dit: „après la guerre, quelqu'en soit le résultat, nos ennemis d'hier auront besoin de nous, ils ne pourront pas se passer de nous." Voilà le danger—Nous sommes prévenus.

L'élite des pays alliés marque une tendance remarquable à se mettre d'accord sur la ligne générale de conduite à suivre après la guerre.

Voici un exemple. Le célèbre romancier anglais Conan Doyle écrivait récemment à un journaliste de Moscou: „je suis sûr dit-il qu'il subsistera une grande chose de cette guerre: c'est pour les russes, les français et les anglais, le souvenir impérissable d'une fraternité payée de sang. Dans l'avenir nul d'entre nous n'admettra que des germes de discorde puissent jamais nous séparer. Tout le sang versé, toutes les larmes qui ont coulées durant cette guerre, auront leur justification, si elles amènent vraiment à ce résultat".

Tout doit être sacrifié au maintien des alliances actuelles jusqu'à ce qu'il devienne évident que l'Allemagne est désormais hors d'état de nuire. Or, c'est dès maintenant, avant que la guerre soit terminée. que les ennemis de l'Allemagne doivent des dispositions et des décisions en vue de l'avenir. Ils ont compris que c'est après, était gros de dangers.

En effet: „plus le commerçant, l'ouvrier ou l'industriel d'outre-Rhin doute de la victoire militaire, plus il s'acharne à préparer notre ruine économique afin d'avoir au moins une compensation pour tant d'efforts perdus. On nous recommande de pas exaspérer toutes les énergies de l'Allemagne en prêchant la guerre après la guerre? mais que fait donc l'Allemagne en ce moment, si non s'armer ouvertement pour l'après-

Это единеніе, являющееся огромной силой въ сраженіи, должно стать еще большей силой въ побѣдѣ, для того, чтобы побѣда была полной, необходимо полнѣйшее священное объединеніе, для того, чтобы вмѣстѣ обсудить условія мира и упрочить его надолго. Безъ объединенія, на другой же день послѣ заключенія славнаго мира передъ союзниками можетъ предстать опаснѣйшій изъ противниковъ, побѣжденный, но втихомолку подготовившій новыя козни, чтобы расплатиться за прошлое. Разоруженный и побѣжденный врагъ не откажется отъ своихъ замысловъ и вызоветъ распыленіе нравственныхъ силъ своего противника путемъ вредной подпольной организаціи. Онъ вызоветъ неурядицу въ согласіи народовъ, которые, спасши Европу, должны предохранить ее отъ обиднаго возврата къ прошлому путемъ экономической войны, не менѣе ожесточенной, чѣмъ та, которая происходитъ теперь. Развѣ нѣмцы не сказали: „Послѣ войны, каковы бы ни были ея послѣдствія, мы понадобимся нашимъ вчерашнимъ врагамъ; они не обойдутся безъ насъ." Вотъ въ чемъ опасность. Насъ предупреждали.

Избранное общество союзныхъ странъ высказываетъ замѣчательное тяготѣніе, чтобы достигнуть единства въ общемъ направленіи дѣйствій послѣ войны.

Вотъ и примѣръ. Знаменитый англійскій романистъ Конанъ Дойль недавно написалъ одному московскому журналисту: „Я увѣренъ, что у этой войны будетъ важное послѣдствіе: а именно, у русскихъ, французовъ и англичанъ останется неизгладимое воспоминаніе о братскомъ союзѣ, за который было заплачено кровью. Въ будущемъ ни одинъ изъ насъ не согласится на то, чтобы насъ когда-нибудь могла разлучить хотя бы самая ничтожная враждебность. Вся кровь, всѣ слезы, пролитыя за время этой войны, будутъ имѣть оправданіе, если онѣ дѣйствительно приведутъ насъ къ этой цѣли."

Нужно принести въ жертву все, чтобы поддержать существующій нынѣ союзъ до тѣхъ поръ, пока не станетъ очевиднымъ, что Германія не въ состояніи больше вредить. И уже теперь, прежде, чѣмъ окончится война, враги Германіи должны принять опредѣленныя рѣшенія и начать приготовленія къ будущему. Они поняли, что ихъ *потомъ* чревато большими опасностями.

На самомъ дѣлѣ: „Чѣмъ больше сомнѣвается въ окончательной побѣдѣ торговецъ, рабочій или промышленникъ по ту сторону Рейна, тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ онъ готовитъ наше экономическое разореніе, для того, чтобы хоть этимъ вознаградить себя за всѣ напрасныя усилія. Намъ совѣтуютъ не раздражать скрытыя германскія силы, проповѣдуя войну послѣ войны. Но что же дѣлаетъ теперь Гер-

guerre, pour une lutte à armes inégales qui consisterait à submerger notre marché et à nous exclure du sien."[1])

La récente réunion des la conférence des alliés tenue à Paris est en face de l'Europe, en face du monde, l'affirmation solennelle de leur unité d'action, de leur communauté de vues et de leur solidarité absolue.

Les résolutions des alliés marquent donc bien la seconde phase[2]) de la guerre, la phase de la coordination et de l'ensemble succédant à l'effort ~~disposé~~ dispersé.

La haute leçon que nous apporte la conférence se résume en ces mots: l'Allemagne ne connaitra la défaite que lorsqu'elle sera attaquée sur tous les fronts, sur tous les terrains à la fois par des armes communes, par un blocus impitoyable, par une lutte économique sans merci.[3]) Assurément, dans la déclaration de Paris, le passage qui inquietera le plus l'Allemagne est celui où les gouvernements alliés décident de mettre en pratique dans le domaine économique, comme dans le politique et le militaire, leur solidarité de vues et d'intérêt.[4])

Cette solidarité dans le domaine économique, précieuse à l'heure actuelle, sera tout à fait nécessaire après l'écrasement du monstre germanique quand la Russie, la France et l'Angleterre devront parachever l'oeuvre libératrice. Si nous ne dressons pas dès maintenant une barrière[5]) durable entre l'Allemagne et les alliés les perspectives de prospérité que nous laissons ouvertes devant l'ennemi l'aident à continuer la guerre. Ménager son commerce ce serait alimenter les batteries qui tirent sur Verdun.[6])

Dans la revue hebdomadaire, M. Henri Chardon considère comme certaine la défaite de l'Allemagne; mais, ajoute-t-il, judicieusement,

---

[1]) Jean Herbette. Boycottons l'ennemi. Echo de Paris. 16 mars 1916.

[2]) Actuellement le plan militaire est complété par un plan économique et politique.

[3]) Alfred Capus. La conférence—résolutions—Figaro 29 mars 16.

[4]) Polybe. La page tournée—Figaro. 30 mars 1916.

[5]) „Quand la guerre sera finie il faudra que la tranchée nous sépare encore. Les commissionnaires allemands, les employés, les négociants, les hôteliers, race innombrable se promettent dejà de revenir en France comme ils l'ont fait après 1870. Ils croient que ce sera facile les Français étant un peuple léger. Non! La preuve est faite. Cette guerre ne ressemble à aucune autre guerre et la suite qu'elle aura ne sera pas copiée sur le passé". René Bazin—„à l'écart"—Figaro 1 fevrier 1916.

[6]) Jean Herbett. „Boycottons l'ennemi", Echo de Paris, 16 mars 1916.

манія, развѣ она не вооружается совершенно открыто для этой второй войны, для борьбы съ неравными средствами, съ цѣлью заполонить наши рынки и изгнать насъ со своего?“ [1])

Созванная недавно въ Парижѣ международная конференція союзниковъ передъ лицомъ всей Европы и всего міра торжественно подтвердила единство ихъ дѣйствій, полное единомысліе и полнѣйшее единодушіе.

Итакъ, вынесенныя союзниками рѣшенія прекрасно указываютъ на наступленіе второго періода войны [2]), періода согласованности и единства, которые пришли на смѣну разрозненнымъ усиліямъ.

Прекрасный урокъ, данный намъ этимъ совѣщаніемъ, можно кратко выразить въ такихъ словахъ: Германія будетъ поражена только тогда, когда будетъ разбита на всѣхъ фронтахъ, на всѣхъ театрахъ войны всѣми арміями одновременно, стиснутая безпощаднымъ кольцомъ, безжалостной экономической борьбой. [3]) Конечно Германію, больше всего обезпокоитъ та часть Парижскаго приговора, гдѣ правительства союзниковъ рѣшаютъ провести въ жизнь свое экономическое могущество наравнѣ съ полнымъ единомысліемъ и единодушіе въ политикѣ и военномъ дѣлѣ. [4])

Это единодушіе въ экономической области, столь драгоцѣнное въ настоящую минуту, станетъ положительно необходимымъ послѣ сокрушенія германскаго чудовища, когда Россіи, Франціи и Англіи придется заканчивать дѣло освобожденія. Если мы теперь же не начнемъ воздвигать прочной [5]) преграды между Германіей и союзниками, то возможности благосостоянія, которыя мы имъ предоставимъ въ будущемъ, помогутъ ему затянуть войну. Пощадить его торговлю значило бы питать пушки, стрѣляющія по Вердену. [6])

Въ Еженедѣльномъ Обозрѣніи Г-нъ Анри Шардонъ считаетъ окончательное пораженіе Германіи несомнѣннымъ; но—справедливо при-

---

[1]) Жанъ Хербеттъ. „Бойкотъ врагу.“ Парижское Эхо. 16 марта 1916 г.

[2]) Отнынѣ общій военный планъ дополняется совмѣстнымъ политико-экономическимъ планомъ.

[3]) Альфредъ Капюсъ. Приговоръ конференціи. Фигаро. 29 марта 1916 года.

[4]) Полибій. Страница перевернута. Фигаро. 30 марта 1916 г.

[5]) „Когда война будетъ окончена, необходимо, чтобы окопы все еще раздѣляли насъ. Нѣмецкіе коммиссіонеры, служащіе, торговцы, содержатели гостиницъ, весь этотъ безчисленный народъ уже собирается вернуться во Францію, какъ это было послѣ 1870 года. Они думаютъ, что это легко будетъ сдѣлать, потому что французы народъ легкомысленный. Нѣтъ! мы уже попробовали. Эта война не похожа ни на какую другую войну, и послѣдствія ея не будутъ имѣть ни малѣйшаго сходства съ тѣмъ, что было раньше.“ Рене Базенъ „A l'écart.“ Фигаро, 1 февраля 1916 г.

[6]) Жанъ Хербеттъ. „Бойкотъ врагу.“ Парижское Эхо, 15 марта 1916 г.

après sa défaite l'Allemagne restera dangereuse pour l'Europe et nous devons compter chaque jour, chaque heure avec la rancune tenace du peuple allemand vaincu et avec les prodigieuses ressources d'infamie du gouvernement prussien. Il faut que, dès maintenant, dans un pacte solennel et public, les sept peuples alliés s'engagent 1) à se défendre désormais réciproquement contre toute nouvelle agression de l'Allemagne 2) à soumettre à l'arbitrage leurs propres difficultés. [1]

Il faudra, après la guerre, d'abord se souvenir. N'oublions jamais les crimes allemands, l'espionnage qui nous guetta pendant un demi siècle et qui nous guetterait si nous n'y prenions garde. A défaut de haine, puisque le français ne sait pas haïr [2] longtemps, ayons de la mémoire. [3]

Tout le monde se rend compte maintenant que les allemands ont entrepris la guerre actuelle dans un but économique. [4] De plus nous voyons toutes les volontés tendre à un effort dans l'union et par l'union pour anéantir le fléau germanique et pour [redacted] au retour de la barbarie. Que les alliés adoptent tous la belle devise de la Belgique: L'union fait la force.

Cette devise n'a-t-elle pas inspiré M. Maurice Haurion, doyen de la faculté de droit de Toulouse, lorsqu'il a esquissé en terme que je recommande à l'attention bienveillante de nos amis et alliés russes, le projet d'une confédération des puissances de l'Entente. „L'organisation positive d'une confédération d'Etats qui, pour un long delai, serait dirigée contre l'Allemagne constituerait un fait nouveau de nature à abréger la guerre et à donner à refléchir à notre ennemi. Le pacte de Londres lui a enlevé l'espoir de diviser les belligérants par des paix séparées, la confédération lui enleverait l'espoir de les diviser après la paix finale. La confédération ne nous mènerait pas seulement à une paix plus rapide, elle nous conduirait aussi à une paix plus efficace parce qu'elle serait plus réaliste". [5]

---

1) Henri Chardon—„L'union des sept alliés." Revue hebdomadaire. 22 janvier 1916.

2) Si nous ne savons pas haïr, il faudra apprendre. Si nous jugeons que la haine est indigne de nous, il faudra élever d'un cran sa qualité. En vérité elle est belle aussi. Et je ne sais pas si les dieux qui eux mêmes l'ont connu, ne la trouvaient pas plus féconde que l'amour". Alexandre Heppe—„Haïr"—Figaro, 2 avril 1916.

3) Maurice Donnay „Après". Revue hebdomadaire 25, mars 1916.

4) J. Engerard. L'Allemagne et le fer—Les frontières lorraines. La force allemande—1916.

5) Maurice Haurion—Vers une confédération des Puissances de l'Entente. Figaro—4 mars 1916.

бавляетъ онъ—и послѣ пораженія Германія будетъ представлять опасность для Европы, и мы должны ежедневно, ежечасно считаться съ упорнымъ злопамятствомъ побѣжденнаго нѣмецкаго народа и съ чудовищной гнусностью прусскаго правительства.

Нужно, чтобы объединившіеся народы и послѣ побѣды остались союзниками. Нужно, чтобы семь союзныхъ странъ теперь же заключили и обнародовали торжественный договоръ, въ силу котораго, 1-е—впредь можно было бы сообща защищаться противъ всякаго новаго давленія со стороны Германіи и 2-е—отдавать на разсмотрѣніе третейскаго суда свои собственныя столкновенія.[1])

Послѣ войны прежде всего нужно будетъ помнить все. Не нужно забывать нѣмецкихъ преступленій, шпіонства, которое караулило насъ въ теченіи полувѣка, и которое опять будетъ подстерегать насъ, если мы не будемъ на сторожѣ. За отсутствіемъ ненависти, такъ какъ французъ не умѣетъ ненавидѣть долго,[2]) призовемъ на помощь память.[3])

Теперь всѣ понимаютъ, что нѣмцы начали эту войну съ экономическими цѣлями.[4]) Кромѣ того, мы видимъ, что воля всѣхъ однимъ усиліемъ стремилась къ единенію, для того, чтобы потушить германскій костеръ и избѣгнуть возврата къ варварству. Пусть всѣ союзники примутъ прекрасный лозунгъ Бельгіи: *въ единеніи сила.*

Развѣ не этотъ лозунгъ вдохновилъ Г-на Мориса Оріонъ, декана юридическаго факультета въ Тулузѣ, когда онъ составилъ планъ конфедераціи Союзныхъ Державъ, планъ, на который я обращаю благосклонное вниманіе нашихъ союзниковъ—русскихъ. „Осуществленіе такой конфедераціи, которая въ теченіи долгаго срока могла бы противостоять Германіи и тѣмъ самымъ явила бы собою нѣчто новое, способное сократить войну, и тѣмъ самымъ дала бы нашимъ врагамъ время одуматься. Лондонскій договоръ отнялъ у Германіи надежду разлучить союзниковъ при помощи сепаратнаго мира, конфедерація лишитъ ее возможности разлучить ихъ послѣ окончательнаго примиренія. Конфедерація не только привела бы насъ къ скорѣйшему заключенію мира, она привела бы насъ также и къ болѣе прочному миру, потому что онъ болѣе соотвѣтствовалъ бы условіямъ жизни“.[5])

---

[1]) Анри Шардонъ. Единеніе семи союзниковъ. Еженедѣльное Обозрѣніе, 22 января 1916 года.

[2]) „Такъ какъ мы не умѣемъ ненавидѣть, придется этому научиться. Если мы считаемъ, что ненависть ниже нашего достоинства, придется сдѣлать ее болѣе высокой. На самомъ дѣлѣ она тоже прекрасна. Я не знаю, какъ относились къ ней боги, которымъ она была знакома, не находили ли они ее болѣе плодовитой, чѣмъ любовь. Александръ Хеппъ. „Ненавидѣть.“ Фигаро, 2 апрѣля 1919 г.

[3]) Морисъ Донней. „Послѣ“. Еженедѣльное Обозрѣніе. 25 марта 1916 г.

[4]) И. Анжеранъ. Германія и желѣзо. Границы Лотарингіи. Германская сила 1916 г.

[5]) Морисъ Оріонъ. Къ конфедераціи державъ согласія. Фигаро, 4 марта 1916 г.

Actuellement l'héroïsme de l'armée russe, triomphante rivalise d'héroïsme avec l'armée française résistant comme une muraille aux assauts contre Verdun. L'une et l'autre armée, là comme partout ailleurs, harcellent la bête fauve aux abois—Quand paraîtront ces lignes, combattants russes et français auront augmenté notre dette d'admiration et de reconnaissance pour l'abnégation de ce champion consacré au service de la grande cause. Car, je n'en doute pas, la providence nous réserve de prochains et heureux événements.

Notre espérance jointe à notre confiance nous les laissent entrevoir.

Délivrance ou servitude! Ce dilemme a transformé en héros soldats russes et français. Tous ont compris que la servitude les menaçait et que, pour y échapper il fallait tout sacrifier à l'obtention de la délivrance. Aujourd'hui, comme hier, dans un mouvement sublime ils offrent le sacrifice de leur vie. Les prodiges effectués par eux sont trop nombreux pour être comptés; ils égalent en qualité les crimes perpétués par leurs ennemis. L'honneur a élu domicile là où l'on combat pour le droit et pour la civilisation. Le deshonneur a marqué de ses stigmates infamantes les hordes barbares.

Feu, air, mer, terre, tous les éléments ont tressailli dans cette tourmente générale. Les conquêtes scientifiques ont été transformées en instruments de mort. La barbarie, s'appropriant les armes dues au progrés, tente la conquête du monde et le monde partagé est saisi de rage ou de stupeur à la vue de millons d'êtres humains engagée dans un duel à mort. On voit là, face à face, toutes les beautés et toutes les horreurs de l'humanité. Ces contrastes sont saisissants, sont émouvants. La lutte sans merci se poursuit entre deux partis et celui qui ce bat pour le droit se trouve parfois desservi par les neutres qui du rôle de spectateurs pourront bien passer à celui d'acteurs. Qu'ils méditent bien ces neutres les paroles de Bernhardi prédisant dès 1911 quels devraient être pour l'Allemagne les résultats de la guerre: Puissance mondiale ou décadence. [1])

Voilà donc ce que l'Allemagne ambitionnait, ce qu'elle voulait conquérir à tout prix et par contre, voici ce qu'en cas d'insuccès la menace. Il n'y a pas d'alternative, asservir le monde ou tomber en décadence.

[1]) Général von Bernhardi—L'Allemagne et la prochaine guerre. 1916.

Теперь русская армія, одержавшая блестящую побѣду, соперничаетъ въ геройствѣ съ арміей французской, которая стѣною встала противъ яростнаго натиска на Верденъ. Повсемѣстно и та и другая армія преслѣдуетъ издыхающаго дикаго звѣря. Когда эти строки появятся въ печати, и русскіе и французскіе ратники уже примутъ должную дань нашего восхищенія и благодарности передъ самоотверженіемъ бойцовъ, которымъ суждено принести себя въ жертву во имя великаго дѣла. Потому что я не сомнѣваюсь, что Провидѣніе готовитъ намъ близкія счастливыя событія.

Надежда, соединенная съ довѣріемъ, даетъ намъ возможность предвидѣть это.

Освобожденіе или рабство! Эта задача сдѣлала героями и русскихъ и французскихъ солдатъ. Всѣ поняли, что имъ грозило порабощеніе и что, во избѣжаніе его, нужно было пожертвовать всѣмъ ради освобожденія. Сегодня, какъ и вечера, они въ святомъ порывѣ жертвуютъ своей жизнью. Совершенныя ими чудеса слишкомъ многочисленны, чтобы можно было ихъ сосчитать; число ихъ равняется числу преступленій, учиненныхъ врагами. Слава избраннымъ, слава тѣмъ, кто сражается за право и цивилизацію. Безчестіе наложило позорное клеймо на варварскія полчища.

Огонь, воздухъ, вода, земля—всѣ стихіи содрогнулись при этой всеобщей вспышкѣ. Научныя завоеванія превратились въ смертоносныя орудія. Варварство, присвоивъ себѣ отвоеванное цивилизаціей оружіе, пытается завоевать міръ, а онъ, раздѣлившись на двѣ части, охваченный то бѣшенствомъ, то изумленіемъ, слѣдитъ за человѣческими существами, бьющимися въ смертельномъ поединкѣ. Мы лицомъ къ лицу наблюдаемъ великую красоту и великіе ужасы, на какіе только способно человѣчество. Крайности поразительныя, глубоко волнующія. Продолжается безпощадная борьба между обѣими сторонами, а та, которая стражается за право, часто видитъ, какъ нейтральныя страны вредятъ ей и изъ зрителей становятся дѣйствующими лицами. Пусть эти нейтральныя страны хорошенько припомнятъ пророческія слова Бернарди, который съ 1911 года говорилъ о томъ, каковы будутъ для Германіи послѣдствія войны: *Міровое могущество или паденіе.*[1])

Вотъ каковы были честолюбивые замыслы Германіи, вотъ чего хотѣла она добиться во что бы то ни стало, и вотъ что угрожаетъ ей въ противномъ случаѣ, въ случаѣ неудачи. Другого выбора нѣтъ, поработить весь міръ или притти въ полный упадокъ.

[1]) Генералъ фонъ Бернарди. Германія и грядущая война, 1911 г.

Puissance mondiale! [1]) Les allemands ont pu y croire ainsi que leurs vassaux, alors qu'au début de la guerre Guillaume le Néfaste conduisait les événements: maintenant, ce sont les événements qui le conduisent. Il voudrait les orienter par des expédients, mais il est trop tard. Le but ambitionné échappe à ses mains sanguinaires; il en est à s'acharner pour éviter l'alternative prophétisée par Bernhardi dans le cas où la puissance mondiale ne serait pas acquise à l'Allemagne. Et Bernhardi s'est prononcé: Décadence!

Dans sa course folle vers un horizon inaccessible, l'Allemagne a accumulé les preuves de sa décadence morale en détruisant ce que les siècles avaient respecté et vénéré et aussi elle a accumulé les preuves de sa déchéance en multipliant les crimes. La guerre menée au moyen de procédés barbares a mis les allemands au ban du monde civilisé. Ils se sont laissé conduire vers l'écueil, trompé par celui qui leur a inculqué son orgueil poussé au paroxisme.

En opposition à la décadence des superbes, nous admirons l'exaltation de l'héroïsme dont l'honneur contraste avec les opprobes dont se couvre la moitié des belligérants.

L'alliance franco-russe fait ses preuves. Elle les fera jusqu'au bout secondée par ceux qui combattent avec elle pour épargner au monde d'être subjugué par la puissance mondiale de l'Allemagne et pour proclamer la décadence de la dynastie des Hohenzollern.

Baron de Baye.

Pétrograd—avril 1916.

[1]) Les allemands veulent aller jusqu'au bout pour le peuple mondiale. Paul Rohrbach. Zum Weltvolk hindurch.

Міровое могущество! Нѣмцы, а также и ихъ вассалы, могли повѣрить этому въ началѣ войны,[1]) когда Вильгельмъ Злополучный управлялъ событіями; теперь событія руководятъ имъ. Онъ хотѣлъ направить ихъ своими способами; теперь ужъ поздно это дѣлать. Поставленныя ими честолюбивыя цѣли ускользаютъ изъ окровавленныхъ рукъ; есть отъ чего озлобиться, чтобы избѣжать пророчества Бернарди, въ случаѣ, если міровое могущество не будетъ достигнуто Германіей. А Бернарди высказался ясно: Упадокъ!

Въ безумной скачкѣ къ недосягаемому, Германія сгустила черты нравственнаго паденія, уничтожая то, что столѣтіями уважалось и чтилось, и кромѣ того увеличила доказательства своего разложенія, умноживъ число своихъ преступленій. Война, которая ведется варварскими способами, вычеркнула нѣмцевъ изъ списка цивилизованныхъ народовъ. Они допустили соблазнъ, были обмануты тѣмъ, кто внушилъ имъ честолюбіе, принявшее нелѣпые размѣры.

Какъ противоположность паденія высокомѣрныхъ, мы наблюдаемъ подъемъ героизма тамъ, гдѣ честь противопоставлена позору, которымъ покрыла себя одна половина сражающихся.

Франко-русскій союзъ доказанъ. Онъ будетъ существовать до конца съ помощью тѣхъ, кто сражается вмѣстѣ съ нами для того, чтобы избавить міръ отъ рабскаго подчиненія міровому могуществу Германіи и объявить о паденіи Гогенцоллерновъ.

Баронъ де Бай.

Петроградъ. Апрѣль 1916.

---

[1]) Нѣмцы хотятъ воевать до конца, чтобы сдѣлаться міровой націей. Поль Рорбахъ. Zum Weltvolk hindurch.

ARCHIVES RUSSES

du même auteur:

Réflexions d'un français dans sa seconde Patrie. 1914.
La Prussification de l'Allemagne. 1915.
Son oeuvre. 1915.
Le moment germanique du monde. 1915.
Enseignements de la guerre. 1915.

Того же автора:

Размышленія француза во второмъ его Отечествѣ. 1914 г.
Пруссификація Германіи. 1915 г.
Его дѣло. 1915 г.
Міровой германскій моментъ. 1915 г.
Нравоученія войны. 1915 г.

Les Archives Russes édit.
Moscou, Arbat, Dienejny, 3.

Изданіе Русскаго Архива.
Москва, Арбатъ, Денежный, 3.

